

Н. Л. Пушкарёва

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФЕМИНОЛОГИЯ, ЖЕНСКАЯ И ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

«Женская тема» присутствует в российской историографии уже более 200 лет — об этом неоднократно писалось. Но лишь к середине — концу 80-х гг. XX века период накопления знаний закономерно сменился их синтезом, временем создания концепций, объясняющих общее и особенное в «истории русских женщин». Неудивительно, что первые публикации по исторической феминологии появились в России одновременно с ростом внимания к «женской теме» на Западе — в последней четверти XX века. Даже в условиях господства марксистского единomyслия у нас публиковались статьи и книги, авторы которых спорили с общепризнанными постулатами — об униженности и бесправии женщин досоциалистической эпохи, их пассивности, необразованности и темноте — и доказывали обратное. Среди тех, кто вписывал свои «исследования женщин» в контекст догматизированных и идеологизированных наук гуманитарного цикла в «доперестроечную эпоху», были философ Ольга Воронина, политолог Светлана Айвазова, историки Григорий Тишкин, Ольга Хасбулатова, Элеонора Павлюченко, чьи работы увидели свет еще в конце 1970-х — начале 1980-х гг. Мои первые публикации на «женскую тему» тоже относятся к этому времени¹.

Конечно, в условиях господства марксистского единomyслия далеко не все можно было сказать, не все темы поставить. Ведь классики марксизма безапелляционно объявили, что наше многовековое прошлое — это «история всемирно-исторического поражения женского пола». В таком идеологическом контексте искать свидетельства социального равенства или, того хуже, преимущественного положения женщин по сравнению с мужчинами в досоциалистических обществах было равнозначно полемике с Ф. Энгельсом и К. Марксом.

И все же институционализация «женских исследований», признание «женской темы» в исторических науках начались у нас практически одновременно с проявлением интереса к ним на Западе. Историки не именовали свои исследования «феминологическими», не относили себя к направлению «women's studies», но порой ставили перед собой те же исследовательские задачи, которые решали в то же самое время и их коллеги за рубежом. Мне кажется абсолютно неправомерным принижение значимости работ по женской теме, написанных в «советский» период — по истории женской повседневности, истории женского вопроса и женского движения, даже по истории «освобождения женщин» в годы Советской власти. Действительно, тогда в России мало кто слышал о гендерной концепции, но именно тогда и именно теми самыми историками-пионерами была создана, по сути дела, база для рецепции гендерных подходов к анализу социально-исторических явлений. Между тем, именно такое пренебрежительно-высокомерное отношение прорывается сейчас в некоторых публикациях, «примкнувших» к женской и гендерной истории в самом конце 1990-х гг., когда под эту тему начали давать гранты, а сама причастность к женским и

гендерным исследованиям стала равноценной обладанию неким символическим капиталом². К сожалению, приходится констатировать: у тех, кто примкнул к изучению «истории женщин» в конце 1990-х, часто случается «амнезия», причем речь идет не только и даже не столько о молодежи, но — главным образом — о тех, кто историей женщин в 70–80-е гг. не занимался, а сейчас сходу причислил себя к кругу методологов «женской истории».

Конечно, **середина 80-х гг.**, изменившая образ жизни и образ мысли многих россиян и россиянок, была рубежом и в истории развития женских исследований в России. Социальные трансформации середины — конца 80-х гг. были **первым и главным** фактором, повлиявшим на возникновение исторической феминологии как научного направления.

К числу других факторов, производных от этого, главного, целесообразно отнести:

- *отказ от марксистского единомыслия;*
- начало эпохи *гласного обсуждения* наболевших социальных проблем;
- возникновение *демократических институтов*, которые уже не отмахивались от «женских проблем»;
- *заинтересованность мирового сообщества в развитии женских исследований* (Первый независимый женский форум в Дубне, разбивший в 1991 г. монополию давно уже бездействовавшего Комитета советских женщин, спонсировался западными фондами³);
- возникновение в 1991 г. *независимого женского движения;*
- *переход сексуальной революции в России из скрытой фазы в явную.* Вместе с ней на открытое обсуждение вышли проблемы пола. Произошла визуализация особых интересов женщин во всех сферах — от интимной, частной до гражданской, публичной;
- *гуманизация и демократизация всего гуманитарного знания*, в том числе и истории, которая перестала обслуживать милитаристские и идеологические запросы и заказы авторитарного государства;
- *безбоязненное развитие новых научных направлений* молодыми и не очень молодыми исследователями: «женские исследования» были в их числе;
- *расширение контактов с зарубежными учеными*, когда стали доступными многие их работы без специального разрешения начальника спецхрана библиотеки;
- появление *поколения молодых образованных ученых*, которые осваивали работы западных представителей либерального феминизма и историков на языке оригинала;
- *изменение отношения к феминизму*: само слово переставало быть инвективой.

После XVI конгресса исторических наук (1985 г.), на котором проблема «Женщина и общество» была объявлена одной из трех основных тем для докладов, и создания в 1990 г. на XVII конгрессе исторических наук International federation for research in women's history (МФИИЖ — Международной федерации исследователей, изучающих историю женщин) «женская история» стала постепенно признаваться и в России.

Между тем, социологи, демографы, экономисты, социальные работники, психологи в России, накопившие немало материала по «женской теме» в своих дисциплинах, начали переход к комплексной гендерной гуманитаристике. В

1990 г. в столице был создан Московский центр гендерных исследований. В 1991 г. аналогичные Центры были созданы в Санкт-Петербурге. С 1992 г. подобные центры и лаборатории стали появляться во всех новых университетах и вузах России и СНГ — в том числе и в Иванове.

Однако историческая феминология не находила и, похоже, до сих пор не нашла себе постоянного места в системе исторического образования России. Поэтому логично задать вопрос: в чем **причина недостаточной популярности «женской темы» в исторических науках современной России?** Почему женские (а теперь уже — и гендерные) исследования с большими или меньшими трудностями институционализировались на базе социологических и психологических факультетов, факультетов социальной работы и экономических, но с большим трудом приживаются именно на исторических факультетах? Ответов несколько.

1. Одной из важных причин является *отсутствие социального заказа*: исследования социологов, психологов, медиков или демографов могут иметь конкретный практический выход. Значимость исторических разработок, особенно касающихся давно ушедших эпох, кажется ненужной роскошью даже некоторым социологам-практикам, не говоря уже о чиновниках, не связанных с гуманитарным знанием.
2. «Женская тема» в истории по-прежнему *считается чем-то иллюстративным* и по меньшей мере экзотическим, в то время как в литературоведении анализ «женских образов» в том или ином произведении — направление исследований абсолютно традиционное, равно как изучение «мужской» и «женской» составляющих в экономических исследованиях (труда, зарплаты и т.д.).
3. «*Женские исследования*», увы, не «звучали» в российском политическом контексте в отличие от западного. Причина тому — традиционность, патриархатность большинства социальных структур. Мы живем в эпоху неопатриархата (*которая характеризуется модернизацией патриархальных воззрений и резким неприятием власть предержащими феминизма как идеологии равных возможностей*), а борьба за соблюдение прав женщин не стала в России одной из составляющих борьбы за права человека, как это произошло — и считается поныне — на Западе.
4. Отношение к понятию «*феминизм*» (а с ним, как мы поняли, было связано возникновение всего направления women's studies) остается в России все-таки *негативным*. В начале XX в. он не получил широкого распространения, поскольку Россия была страной «запаздывающей модернизации» и российское культурное прошлое не имело многовековой традиции пестования индивидного и приватного. В советский период идеология умело сформировала отношение к феминизму как к чему-то агрессивному, по меньшей мере — экзотическому. В российском научном дискурсе сильно предубеждение, что феминизм — это западная идеология, не имеющая отношения к российским реалиям.
5. Западные агентства и *фонды определяют приоритеты* представителям *не фундаментальных наук* (историкам, философам), а наук прикладных — социологам, психологам, экономистам, демографам, социальным работникам.
6. Хочется обратить внимание и на тот факт, что *и на Западе курсы по истории женщин* — это (как правило) курсы, *предназначенные для тех, кто выбрал*

своей специализацией «*women's studies*» (а отнюдь не для «чистых» историков). Специалистов какого профиля выпускают отделения, называемые отделениями *women's studies*? Отнюдь не историков — у нас они бы именовались «социологами» или «социальными работниками». Такое положение сложилось потому, что в системе западных представлений о взаимоотношениях женщин как депривированной группы и Власти для искоренения культурной и социальной дискриминации женщин необходимо вмешательство государства, на которое феминистки и возлагают надежды. Иное дело — Россия. У нас во все века существовали правовые нормы, позволявшие женщинам отстаивать, казалось бы, свою независимость, но эти правовые установления практически оставались неизвестными широким женским массам. В рамках «правового беспредела», творящегося сейчас в России, надеяться на то, что государство — своими установлениями — что-то исправит, — по меньшей мере наивно. Особенности российского менталитета, восприятия феминистских идей именно в России, история становления феминистского движения требуют специального изучения — и именно историками, этнопсихологами, — но подобные темы практически не поддерживаются западными фондами, представители которых обычно спонсируют проблематику, связанную с изучением западной (европейской, американской) феминистской мысли.

7. Другой вопрос — о необходимости увеличения числа курсов по «женской и гендерной тематике» на исторических факультетах. В отличие от нас, западные университеты не страдают от их отсутствия, равно как отсутствия учебной литературы. Острота *потребности в учебнике* не только по «исторической феминологии», но и по гендерной методологии в исторических науках у наших студентов выше, чем у экономистов, социологов, психологов. Большинство опубликованных «феминологических» курсов носит несколько позитивистский, фактологический, описательный характер, в них нет ориентации на интерактивность и обучение методикам гендерной экспертизы социально-исторических явлений.
8. Напомним, что в России практически *отсутствуют подготовленные специалисты*, курсы по «женской истории» стали читаться лишь недавно и не в престижных столичных университетах, а силами энтузиастов в провинции — в том числе в Твери и Иванове.

О путях и перспективах развития «женских исследований»

в системе исторического образования и исторических наук России

Число ученых-историков, избравших «историю женщин» основным полем своей научной деятельности, продолжает расти. Но процесс этот идет не

столь быстро, как на Западе, и даже не столь быстро, как в России в других областях гуманитарного знания.

Какие пути интенсификации развития женских и гендерных исследований в науках о прошлом могут быть поставлены на обсуждение?

На первом месте очевидна необходимость *усиления информационного обмена*, поскольку взаимодействие историков с представителями иных наук и областей гуманитарного знания остается очень поверхностным. На Школы и конференции, организуемые социологами, историки не приглашаются либо присутствуют в незначительном количестве.

Другой аспект — *необходимость популяризации знаний*, полученных архивными работниками и кабинетными учеными. Чем больше в прессе будет публиковаться научно-популярных статей, пропагандирующих феминологические, в том числе — историко-феминологические знания, тем скорее изменится отношение к исторической феминологии как к чему-то дополнительному и необязательному для ученых иных специальностей. Призыв к феминологам должен звучать так: «Пишите свои исследования не для узкого круга единомышленников, а для широчайшей читательской аудитории!»

На второе место выдвигается задача *создания механизма обмена преподавателями между региональными и столичными университетами*. Необходимо расширение числа программ, в рамках которых преподаватели разных российских университетов, в том числе — провинциальных, могли бы предложить на конкурс свои курсы лекций и быть приглашенными в другие учебные заведения на короткий срок с условием достойной оплаты их работы.

Некоторые фонды («Открытое общество» в том числе) уже проводят второй год такие конкурсы, в которых участвуют и историки.

Третьей проблемой является сложность и длительность преодоления сексистских стереотипов, скепсиса и иронии по отношению к «женской теме» в научном сообществе вообще и в сообществе историков в частности. Пока «исторической феминологией» занимаются преимущественно женщины — пренебрежительное отношение к предмету их исследований будет, вероятно, сохраняться. Поэтому выходом из ситуации является *создание центров и лабораторий* на исторических факультетах университетов, в институтах исторического профиля РАН и РАО, а также развитие *мужской истории (исторической андрологии)* наряду с исторической феминологией. Параллельно с изучением «мужской истории» возрастет и количество исследователей женской темы, и среди них окажутся уже не только одни женщины.

В-четвертых, сверхактуальной остается задача *написания и публикации учебников*. С одной стороны, необходим учебник по истории русских женщин и по истории женщин на Западе, а именно учебник «традиционного» вида, в котором были бы изложены кардинальные факты и переломные эпохи коллективного женского прошлого. Такого общего курса по истории женщин нет, а курсы лекций — как правило — охватывают какую-то одну часть или сторону, страницу исторической феминологии — тему истории женского движения, «женского вопроса», проблему статуса женщин и женского в религиях мира и т.д. Текст моего учебника по русской женской истории, опубликованного на английском языке, используемый в США и других англоговорящих странах, остается непереведенным на русский и

неадаптированным пока для нашей аудитории, которой не надо объяснять, что такое «терем» или «снохачество».

В-пятых, крайне необходим учебник, *обучающий гендерной экспертизе социально-исторических явлений*. К сожалению, собственный выборочный анализ выявленных спецкурсов по гендерной истории (как «вывешенных» в Сети на европейских и славянских языках, так и опубликованных, в том числе в третьем томе «Введения в гендерные исследования» под редакцией И. А. Жеребкиной) приводит к выводу об отсутствии курсов, обучающих *методике* работы с источниками, подходам выявления механизмов формирования гендерной асимметрии в разные эпохи, в разных культурах. Если руководство исторических факультетов признаёт за гендерной экспертизой особое место в общей системе методов работы с историческими источниками — подобный курс немедленно станет читаться на кафедрах источниковедения, теории и методологии науки.

В-шестых, необходимы публикации *общих справочно-библиографических изданий*, обобщающих наработки историков и представителей других наук по «женской теме». Кажется, дело сдвинулось с мертвой точки.

И еще один важный момент. Оглядываясь на прошедшие двадцать лет, отмеченные процессом институционализации вначале «женских», а затем «гендерных исследований», хотелось бы обратить внимание на то, что само определение «гендерные» оказалось более конформным и приемлемым для научного сообщества, нежели термин «женские исследования». Гендерологами и гендеристами согласны себя именовать и некоторые мужчины, на признание же себя специалистом в области «женских исследований» (читай: феминистами!) требуется научное, дискурсивное и вообще поведенческое

мужество. Те центры и объединения, которые в нынешней социально-политической ситуации рискуют именовать себя именно «центрами *женских исследований*», использовать феминологическую риторику («женская история», «женская психология», «женский опыт», «женские практики» и т.д.), предстают не как отставшие от остальных (уже переименовавшихся в гендерные), а как наиболее последовательные, убежденные защитники интересов женщин.

Женские исследования в истории, в том числе и историческая феминология — не пройденный этап, но важнейшая и необходимейшая часть «gender studies», *без которой они рискуют превратиться в отвлеченное теоретизирование и навсегда оторваться от практического женского движения.*

Примечания

¹ Первая статья по истории древнерусских женщин увидела свет в 1982 г.

² См. публикации по гендерной тематике в сборнике «Выбор метода», выпускаемом преподавателями РГГУ.

³ *Рихтер Д.* Российское женское движение и западные деньги // Гендерные отношения в России: история, современное состояние, перспективы: Материалы междунар. науч. конф., Иваново, 27–28 мая 1999 г. Иваново, 1999. С. 23–26.